

*«Если на Вашу долю выпала честь строить «Дом Божий»,
примите это как великий дар Творца, ибо десница Господня
касается того, кто строит храмы, и многие грехи
простит тому Господь»*

Святой и праведный Иоанн Кронштадтский.

Каждый раз, провожая глазами транспорт паломников в Урлук, грустила —
вечно у меня всё складывается так, что не могу выкроить время на эту поездку.

Постоянно совпадало с какими-то другими моими важными делами и мероприятиями. А впечатления паломников, что побывали там, бередили сердце, но, увы, поездка оставалась мечтой.

И вот этой осенью мы собрались всей семьёй посетить святые чикойские места. Решили отодвинуть все дела и поездкой отметить юбилей мужа.

Оставив братьев своих четвероногих на родных и соседей, выехали в Урлук. Дождливая погода, провожавшая нас из дома, продолжалась вплоть до Красного Чикоя и порядком поднадоела. Однако, вид, открывшийся после райцентра Красночикойского района, неожиданно окрылил и согрел.

Как в «машине времени» из 2020 года мы вдруг переместились в 80-е годы прошлого столетия. Вдоль дороги шли бесконечные поля созревшей и уже убранной пшеницы, ходили комбайны, радовали глаз кучи пшеничной соломы. В с. Шаргольджин дорогу преградило стадо коров, которых понукали две улыбочивые женщины. И поголовье приятно удивило: я уже отвыкла от вида такого многообразия.

В селе Урлук, сопровождаемые подсказками добрых людей, проехали по длинной центральной улице и повернули в сторону сельской церкви: накануне по телефону батюшка Евстафий, настоятель местного храма, сказал, что рядом имеется гостиница для паломников. Встретивший нас Михаил, послушник монастырского подворья, проводил в обычный деревенский домик с привычной русской печкой посередине избы. Линолеум, современные кровати и диванчик — атрибуты современности, а в ограде — баня, дрова, курочки. В общем, такие «гостиничные» условия нам понравились. В доме в переднем углу — киот, иконы, лампадка и... запах ладана.

Утром посетовала, что не в чем сварить чай, не взяла из дома чайничек. Мои ещё спали. Вышла в ограду звонить друзьям, благо, там они у меня есть. Курочки бросились к ногам, требуя корма. Видать в «гостинице» те же порядки, что в обычном деревенском дворе. Стала искать по подворью, где находится еда птицам. Не найдя, позвонила нашему «гиду» Михаилу. Тот посмеялся над моей непонятливостью, сказал, что сам займётся этим, а нас позвал на завтрак в трапезную, что находится рядом. Туда мы и направились огородами, дивясь местному устою — «трапезная»! Пройдя мимо ухоженных теплиц, уже выкопанных грядок, очищенных от сорняков, и мимо дома, где живёт Михаил, оказались у крылечка ещё одного небольшого домика, над которым на доске надпись: «Трапезная».

— Будьте как дома. Еда вся здесь, вот плита, вот крупы, — ввёл он меня в курс дела. — Давайте, пока вы живёте здесь, будете готовить завтраки и обеды, а я с утра в столярку. Дел много.

Собственно, это было как раз то, о чём и мечталось: не стать обузой, пока будем исследовать окрестности и знаменитый Варлаамовский монастырь.

К 9 утра приехал из монастыря иеромонах Евстафий. Он, как и всё в Урлуке, оказался необычным. Из традиционного «батюшкиного» арсенала у него были седая борода и удивительной чистоты глаза. Присущие священнослужителям строгость, степенность, церковное одеяние хранились видать где-то отдельно, а сам он был в привычной многим мужикам спецовке военного типа и кирзовых сапогах.

После знакомства и совместной трапезы договорились, что до обеда трудимся на подворье, а с обеда едем в Иоанно-Предтеченский монастырь, который чаще называют именем его основателя Варлаама Чикойского.

До обеда с дочкой работали, росли горы низвергнутых сорняков: калачиков, крапивы и лебеды, а в нашей «гостиничной» ограде — стараниями мужа — новенькие поленицы из свежерасколотых дров.

А душа уже просилась в монастырь. И вот, кое-как дождавшись назначенного времени, загрузились в батушкину «Ниву». Выглядела она, как танк после сражения — в грязи и боевых «ранениях». Во всяком случае, дверная ручка со стороны пассажира была почти «ампутирована».

Дорога в монастырь сначала шла по селу, которое в утреннем солнечном свете показалось мне очень красивым и родным. Очень уж оно напоминало мне мой Дешулан в пору его советской жизни. Поражалась лицам жителей — генетическая связь поколений (а мои земляки родом из этих краёв) настолько сильна, что я встречала всё новые и новые лица людей, похожих на дешуланцев.

Батюшка вёл свою «Ниву», как будто на ралли, — уверенно, быстро, но не шумно. Как только с основной сельской дороги свернули в поля, мы даже улыбаться перестали: полевая дорога изобиловала промоинами, овражками от потоков дождевой воды. Оказалось, это был практически асфальт, по сравнению с тем, что мы увидели дальше. Дорога пошла в гору, в хребет. Батюшкина «Нива» лавировала среди камней, глубоких колеиных провалов, откровенных болотных трясин и оврагов. Всё это и называлось «дорога к монастырю». «Как вы тут ездите?» — поражаюсь я. «С Божьей помощью», — как о само собой разумеющемся отвечает мне священник.

Монастырь, общий вид.

Порой хотелось выйти из машины и глянуть под днище — складывалось ощущение, что мы едем на гусеничном ходу. Под машиной иногда угрожающе стучало о валуны, так что моё водительское сердце ёкало от страха за внутренности «Нивы». Батюшка, казалось, не обращал на дорогу внимания: рассказывал нам и об этом пути, и о вековых осинах вдоль неё, хранящих на коре следы от топора монахов, и об истории возникновения, жизни, упадка и нового рождения самого монастыря.

Воспользовавшись интернетом, дам вкратце только основную нить истории обители, поскольку полную версию может рассказать только книга, например, «Чикойский монастырь» Ильи Свистунова.

Можно поискать в интернете и фильм «Варлаам», снятый в этих местах, с участием Андрея Мерзликина. Актёр, кстати, был покорён местными красотами и забайкальской святыней, о чём неоднократно говорил в интервью. А ещё есть несколько замечательных видеофильмов о нынешней жизни монастыря.

«Забайкальский Афон»

«Забайкальским Афоном» называли затерянный в Чикойских горах Иоанно-Предтеченский монастырь. Обитель, основанная трудами преподобного Варлаама Чикойского, просуществовала около ста лет.

За это малое время милостью Божьей совершено было многое: сотни и сот-

ни раскольников и иноверцев приняли православную веру, сотни и сотни людей получили по молитвам насельников обители духовную помощь, сотни и сотни людей чудесно исцелились у могилы преподобного Варлаама.

Первые годы своего пребывания в Сибири Василий Надежсин (таково было имя Варлаама в миру) прожил при храмах, исполняя послушания трапезника, просфорника, сторожа. Также, будучи достаточно грамотным, он брал на обучение детей. В г. Кяхте Василий Надежсин встретился со священником Аетием Разсохиным.

По благословению этого духовно опытного священника в 1820 году Василий тайно уходит в Чикойские горы для уединённой жизни. В семи верстах от селения Урлук и трёх от Галдановки остановился отшельник в чаще леса, поставил деревянный крест во освящение места и в ограждение себя от силы вражией, а рядом собственными руками срубил из деревьев келью для себя. Здесь предался он богомыслию, молитве и подвигам поста и смирения. В 1824 году на пустынноика наткнулись охотники, а вскоре молва о благочестивом старце распространилась среди местного населения. Пустынь стали посещать как живущие неподалеку староверы, так и именитые граждане из Кяхты. Молитвами Василия Надежина, трудами и средствами первых паломников была сооружена часовня, закуплены колокола, приобретены богослужебные книги.

Весть о пустынноике дошла до епархиального начальства. 5 октября 1828 года по предписанию владыки Михаила (Бурдукова), епископа Иркутского, настоятель Троицкого Селенгинского монастыря иеромонах Израиль постриг Василия Надежина в монахи с наречением имени Варлаам — в честь святого Варлаама Печерского.

Владыка Михаил, видя духовную силу монаха Варлаама, благословил «устройство Чикойского скита на твёрдом основании»: соорудить в скиту храм, руководить собранной братией, проводить миссионерскую работу среди монгольского, бурятского и старообрядческого населения. Выдающийся успех имела миссионерская деятельность игумена Варлаама среди старообрядцев и инородцев Забайкалья. И те, и другие хорошо знали подвижническую жизнь игумена Варлаама, и потому крестили у него своих детей и отдавали их ему на воспитание.

Всего трудами игумена Варлаама было обращено из раскола около 5000 староверов. Успехи единоверия на Чикое стали известны далеко за Уралом, в том числе и в Москве. Старообрядцы, столь недоверчивые к чужакам, прониклись доверием к словам и наставлениям игумена Варлаама.

23 января 1846 года старец Варлаам, причастившись, предал дух в руки Божию. Тело его было погребено близ главного храма обители. Позднее над могилой был устроен кирпичный памятник с могильной плитой.

Монастырь просуществовал до 1927 года. Позднее был разрушен. Однако люди не забывали святыню, тайком посещали разрушенный монастырь, молились. С 2002 года стали возобновлять крестные ходы. Паломники к преподобному Варлааму едут со всей России.

* * *

— Из более чем 10 колодцев, которые устроили здесь когда-то монахи, теперь восстановили пять, обустроили две купели, — рассказал иеромонах Евстафий, когда у нас был перерыв в работе. Сидим мы в беседке, а перед глазами боже-

ственной красоты картины из яркой сентябрьской синевы неба и ослепительного золота берез. Вершины сопков похожи на исполинские купола, взметнувшиеся из ключевины к небу. Совершенно очевидно, что вырасти в храме природном храму монастырскому было самими небесами предназначено.

— В 2002 году здесь нашли могилы священнослужителей, и самое главное, могилу преподобного Варлаама. Состоялось обретение мощей Варлаама. Они сейчас находятся в кафедральном Соборе Читы, периодически их провозят для поклонения по всему краю. И что интересно, у Варлаама была здесь своя святыня — икона Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия — благословение игумении Елпидифоры, которую он высоко чтит. Так вот, 21 августа, когда обретали его мощи, — а раскопки затянулись до глубокой ночи — был день памяти преподобных Зосимы и Савватая, совершенно случайно совпавший с днем обретения. И случайно ли? — удивляет нас батюшка.

А Евстафий продолжает:

Часовня.

И стараниями прихожан и благодетелей монастырь стал возрождаться. Сейчас затишье — строители наши в хребте, мы с Михаилом делаем тут то, что под силу двоим. Сегодня вот вас Господь в помощники прислал.

Появились вначале крест на месте упокоения Варлаама, первая часовня Иоанно-Предтеченского монастыря. Потом отремонтировали монастырские колодцы, установили большой десятиметровый Поклонный крест, потом келью, где я провожу большую часть времени, исключая дни службы и требы в Урлуке.

Могила старца приведена в порядок, облицована, и является местом массового поклонения, когда к нам приходят или приезжают паломники. К Варлааму, а его зовут «Варламушка», по-прежнему идут за исцелением, как и во время его праведной подвижнической жизни, а потом мы узнаём о добрых изменениях в их жизни. Например, те, кто много лет ждали ребёнка, после паломничества сюда наконец-то стали родителями.

— А вообще, вся территория монастыря представляла собой ещё недавно заросшие лесом развалины. И вот несколько лет назад (в этом году у о. Евстафия пять лет служения в Чикое — *Е.Ч.*) стали чистить место бывшего монастыря, пилить заросли берёз, осин, лиственниц. Освободили старинные кладки, фундаменты, нашли один из Крестов Господних, которому поклонялся Варлаам. Он сейчас находится в нашей Урлукской церкви святого Пророка Илии.

Могила Варлаама.

Меня всё время поражает сила духа и высота духовного подвига отшельника, — подчеркивает Евстафий, — ведь спустя двести лет к нему поднимаются и идут Крестным ходом люди из многих окрестностей и краёв. Это как же ему надо было верить в Господа ТОГДА, что СЕГОДНЯ народ поднимается в веру?

Узнав об этом монастыре, я однажды здесь провёл свой отпуск и больше всего мечтал снова вернуться сюда, молился об этом. И, как одно из чудес преподобного — спустя какое-то время в епархии спросили, не желает ли кто приехать в Урлук. Конечно, я вызвался, и вот уже пять лет, Слава Богу, нахожусь в этих благословенных местах, — делится с нами батюшка своей радостью.

Строящийся храм.

И вот на месте вчерашнего леса, благодаря стараниям строителей и подвижников, построили крестильный домик. Это красивая беседка, внутри которой — колодец-крестильня. Вырос и храм в честь иконы Божьей матери «Споручница грешных». Только поленицы у дорожек напоминают, что пять-шесть лет назад стояли тут непролазные чащобы. Осталось сделать внутреннюю отделку, окна. Срубы, стены, полы в помещениях — всё идеально подогнано, ровненько, будто по струночке, выведены углы.

Брус на солнце светится, не уступая золоту берёз. И красота кругом такая, что даже дышать боязно: не спугнуть бы такую благодать. Находятся жертвователи, и думается, по промыслу Божьему, когда храм будет готов, найдутся и средства на колокола, и на иконостас.

Построена и двухэтажная гостиница для паломников, она уже под крышей, но пока без оконных рам, стоят трапезная и баня, обустроены купели, в которые струится с горы вода по стокам, наполняя серебристым неумолчным звоном окрестности. Одна купель в честь Преображения Господня, вторая — в честь пророка Ильи.

Удивляют, кстати, монастырские колодцы. Один расположен на самой вершине горы, возле могилы старца. Он постоянно полон, буквально под крышку. Находящийся ниже колодец глубок, а вода — внизу, приходится пользоваться ведром на верёвке. Третий колодец тоже имеет свою «личную» глубину. Законы физики о сообщающихся сосудах здесь не работают. Вода в каждом колодце своя, особенная. Есть с меловым оттенком воды, есть с желтоватым, в отдалении от кельи — колодец с сероводородом, запах которого ощутим, особенно, когда крышку открываешь.

— Приезжали исследователи, — вспоминает батюшка, — ещё до перестройки. Взяли воду для изучения, потом бумаги прислали — вся она оказалась целебной. Даже предлагали здесь сделать лечебницу.

Вспомнили мы, сидя за чаем, фрагменты из книги И. Свистунова «Чикойский монастырь», где рассказано, как Варлаам молитвами и водой из колодца поднял на ноги безнадежно больную девушку из Кяхты. За это купец, привозивший дочь, помог построить здесь храм, привёз строительные материалы. Основные строения монастыря возводятся на старых фундаментах, и вершина монастырской

горы постепенно принимает свой прежний вид, какой мы видели на старых фотографиях и рисунках более чем столетней давности.

За кельей на полке — найденные при строительстве мелкие предметы быта из монастыря — половник, нательный крестик, крючки, гвозди, скобы. Чудеса да и только — как всё это сохранилось..

Чаепитье.

добающим образом, полотно, которое крошилось по кромкам, наш мастер и краевед Илья Иванович Свистунов сделал красивую раму.

Батюшка рассказывал об этом за столом в беседке, где мы присели возле бу-тербродов и закопченного чайника.

Распятие это, спасённое непонятным образом (хотя именно самым понятным — по промыслу Божьему), с предстоящими Божьей матерью и Иоанном Богословом, было особо ценным. Когда-то оно было освящено святым праведником Иоанном Кронштадтским. А случилось это так. Архимандрит Аверкий (служивший после смерти Варлаама), игумен монастыря, поехал в Синод с прошением об отставке, ссылаясь на возраст и болезни. Но еще до встречи в Синоде состоялась его встреча с праведником Иоанном Кронштадтским, который и подарил ему икону на холсте — Распятие с предстоящими. Бесценный подарок с благословлением сопровождала надпись: «Молись и будешь здоров, терпи — спасешься».

И вот этот заново обретенный бесценный подарок Иоанна Кронштадтского теперь в церкви Пророка Илии в Урлуке.

Урлукский сельский храм, к счастью, не был разрушен до основания, в нём долгое время находилась школа. А в последние годы здание было восстановлено для священнослужений, которые периодически проводились приезжими священниками. Уже в период служения там настоятелем иеромонаха Евстафия построена колокольня, изменяется внутреннее убранство, в выходные и праздничные дни идут богослужения, спустя долгие сто лет после их исчезновения.

В дни нашего пребывания в Урлуке в церкви были установлены новенькие двери, сделанные Михаилом в церковной столярке, проводились и другие работы, в которых нам посчастливилось принять участие. Заодно осмотреть и сельскую церковь и её сокровища.

Удивительная история у тёмного резного алтарного креста, точнее его верхней части. Как рассказал мне мой «гид» по церкви Борис Корчанов, в давние времена одна из местных женщин полоскала бельё в реке. Происходило это вечером, в сумерках. Тем необычнее оказалось лёгкое свечение из воды. Вступив подальше в реку, крестьянка увидела плывущий деревянный крест, испускающий слабый

— Чудеса? — переспрашивает батюшка, удивляясь нашей наивности. — Они же здесь постоянно. Вот, к примеру, история обретения иконы с распятием. Это ж настоящая святыня, написанная на холсте, была спрятана монахами в дупле дерева, чтобы не пострадала во время разграбления большевиками монастыря. Спустя почти сорок лет икона была найдена местными жителями, передавалась из рук в руки и бережно хранилась. Икона не пострадала, несмотря на то, что хранилась совершенно непо-

свет. Подобрал монастырскую святыню (а время было тревожное — период гонения на церкви), женщина спрятала находку. В наше время её родные передали спасённую находку в церковь в Урлуке.

Горячая икона.

Или история ещё одного образа. Прихожанин-певчий из Урлука подобрал в лесу дорогой сотовый телефон, по его номерам определили хозяина. В благодарность за это тот передал в церковь сохранённую с давних времён икону, точнее часть иконы, на которой изображены Николай-Угодник и Сергий Радонежский. Вероятнее всего, на иконе изображены ещё два святых, так как сейчас внешне она представляет собой только половину полотна.

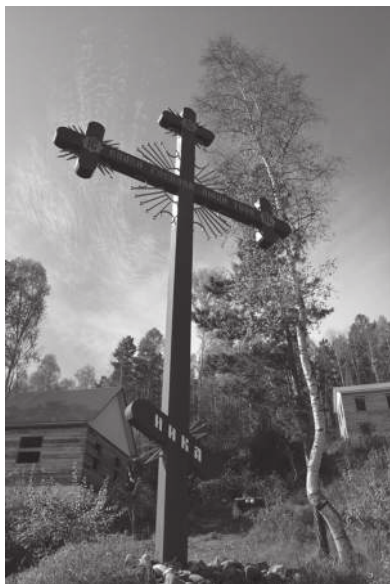
— В октябре прошлого года икону на полотнище понесли в монастырь Крестным ходом. Удивляло то, что на неё не садился гнус, мошка, которых в начале октября было в избытке, насекомые буквально облепляли лица людей. Когда икону принесли в монастырь, то обнаружили, что она стала... горячей. Деревянная икона, которую несли на ткани (не в машине), стала горячей в начале октября. Это ли не чудо? — смотрит на нас батюшка.

— Каждый раз, — вспоминает он, — по завершении крестного хода к монастырю 10 или 11 июня на прихожан после молебна проливается небольшой дождик, будто Варлаам кропит святой водой людей, что пришли ему поклониться.

Одно из чудес довелось испытать и нам. В один из дней паломничества мы вновь приехали в монастырь, где трудились на его благо. Батюшка с моим супругом пилили дрова из ненужных досок, опалубки и обрезков бруса, а мы наводили чистоту в помещениях. Намывала я золочёные доски в бане, рядом пел свои нескончаемые песни ключ. И самая большая мечта у меня родилась — побывать здесь будущим летом, потрудиться, закончив день в этой бане, а потом окунуться в купель в пяти метрах от входа, и выйти новенькой, как заново рождённой...

Сложив бережно свои мечтания в глубину души, пошла варить чай. Пока костёр разгорался, батюшка позвал нас на чин освящения Креста Господня, который будет установлен на старом месте, где был найден крест преподобного Варлаама.

Поднялись в недостроенный храм. Проёмы окон там пока укрыты целлофаном, а часть и вовсе безо всего — одно небо в окошках.

Освящение Креста Господня.

Батюшка при Крещении.

Отец Евстафий начал чин освящения с молитв, и именно с момента начала молитв солнечные лучи проникли через окно в куполе и упали влево, на Хоругвь, прямо на лик Богородицы, вышитой на полотнище. И пока шёл молебен, солнце освещало её изображение, отчего лик буквально источал свет. Как только батюшка перешёл к моменту окропления креста, солнечные лучи ушли на него.

Самое главное, Евстафий не выбирал специальное время для богослужения, а приступил к нему, когда окончились запланированные труды на подворье.

— Божий промысел, и никак иначе, — подсказывает он мне, глядя на сделанные мною снимки, и тоже радуется и удивляется вместе со мной.

После крещения в купели одного из паломников поразил вид неба. Из пасмурного оно вдруг превратилось в чистой голубизны полотно, по которому были рассыпаны во все стороны нежные пёрышки облаков, образующие ровные линии, будто крылья. Цветущая местами земляника — на тропинке от храма к Кресту, а то и цветущий багульник, ярко-зелёная трава, будто сейчас вовсе не исход сентября — всё это поразило до глубины души. «Божий промысел», — думаю я, как батюшка.

А может, это вовсе и не чудеса — ловлю себя на мысли. Просто в суете мы перестали видеть красоту, перестали задумываться о себе, о своей жизни. А здесь, в диком уголке Забайкалья, всё это вдруг обволакивает тебя настоящей Благодатью Божьей, чудом, которое мы утрачиваем.

И что ещё потрясло, — это ежедневный монашеский труд на благо будущей обители иеромонаха Евстафия. В любую погоду, зимой или в осеннюю слякоть, топчется он из обжитого Урлука, где есть и дом, и церковь, на Чикойский Афон — так называл горы преподобный Варлаам. Волнующая дикая красота окрестностей монастыря — а осенью они особенно красивы, и намоленные камни обители зовут к себе батюшку ежесекундно. И какой бы разбитой ни была дорога, чем бы ни прельщала сегодняшняя жизнь, золотые склоны Афона, молитвенное уединение дороже ему любого материального золота. Руки монаха — как руки колхозного работника. Да и кирзовые сапоги из той же «оперы». Но ни на какую другую жизнь менять свой устой отец Евстафий не намерен.

«Это моя давняя мечта — быть здесь до окончания моей жизни, и ничего лучше и краше я себе не представляю», — признаётся мне продолжатель праведных монашеских трудов.

Из строящегося монастыря мы спустились другой дорогой — в Голдановку. Дорога покороче, но более крутая. В пути её то и дело пересекали косули, стрелами перелетающие через дорогу. Путь через Голдановку (там осталось всего одно старое строение) лежал в старинное казачье село Жиндо, где находится АЗС. В Урлуке её нет. Жиндо лежит на берегу Чикоя. В селе — погранзаезда, потому что на другой стороне реки — Монголия. Подивились на дикую красоту лесов, необъятность Чикоя и журавлей, обитающих на берегу, а потом уже вернулись в Урлук.

Таким был наш завершающий день пребывания в этих местах. Вспомнила, как перед отъездом знакомые говорили нам: «Куда вы собрались? Это же у чёрта на куличках!». Теперь я знаю точно — это у Бога в ладонях. Ведь Урлук лежит в долине среди высоченных сопок, как водичка в ладонях. И люди там особенные, и воздух (даже ветра нет), и природа, и мир. Мир Благодати Божьей, где нам повезло прожить, кажется, целую жизнь...

Батюшка Евстафий

Встреча с Богом у каждого человека происходит по-разному. И каждая история неповторима. Сегодня — история Олега Третьякова.

Родился Олег 6 сентября 1967 года в г. Красноярске. Три года родители прожили в городе, а потом мама — уроженка г. Черемхово Иркутской области — перетянула семью поближе к родным. Она ведь родом из большой семьи — братьев и сестёр было десять! И красноярский малыш стал подрастать в отчих краях. Клас-са с третьего стал просить у родителей, чтобы покрестили его в храме — тянуло что-то к этому шагу. Те просто отмахнулись от нелепых, по их разумению, просьб.

Что уж потянуло пацана в церковь — и сам толком объяснить не мог. Среди де-дов священников не было. С точностью до наоборот, если уж точнее. «Был у меня дед, он служил в НКВД в Черемхово Иркутской области. Грамотный по тем вре-менам, — окончил высшую школу милиции в то время. А времена-то были суро-вые, он и выступил против репрессий, возмутился несправедливостью. И его там же, в подвалах, избili так, что он потерял память и стал инвалидом. Потом не-много подлечился, пришёл в себя. Три раза был председателем колхоза. Прикажут засеять поля где-то на неудобьях, он откажется, мол, там не растёт сроду ничего. Всё: враг народа! И на конюшню председателя, керосин на ферму в бочке возить. Три раза его снимали с председателей, и снова ставили. Потом уже отказался в последний раз. Вот у него и было десять детей, в числе которых и мама моя.

— Проучился я в нашей школе, — продолжает Евстафий свой рассказ, — похулиганил слегка, как все пацаны. И думал по тем временам, что более недисци-плинированных учеников, наверное, школа и не видела. Порой уроки прогуляю, меня на педсовет вызывают, отчитывают там. Строго было. Помню, одноклассник на дискотеку принес бутылку сухого вина. Мы её распили, одну бутылку на по-ловину класса. На второй день переживаем все, не пахнет ли от нас с похмелья, чем зажевать! И организатора выпивки на две недели исключили из школы за такой проступок. Спустя лет десять после окончания школы встретился с нашей учительницей. Спрашиваю, были ли хуже нас ученики. Она смеётся: «Вы были золотые! Теперь после дискотек и шприцы находят, и что похуже».

Как бы то ни было, до настоящего хулиганства дело не дошло. «В 14 лет я поступил в военно-речное училище в Благовещенске. Оно было с военной кафе-дрой. А в 18 лет у меня уже был диплом третьего помощника капитана, и военный билет старшины второй статьи в запасе, так как учёба приравнена была к службе в армии. Потом было распределение на север, я ходил по морю Лаптевых, в Запо-лярье. Служить там достаточно тяжело. Кислорода не хватает — зубы крошатся, волосы выпадают. Позже я попросился на Енисей, на родину. И вот там, в Красно-ярске покрестился в 20 лет. И сразу почти после крещения пошел в лес и... заблу-дился в Саянах. Неделю блуждал, но Господь помог — выдержал я это испытание.

С колдунами-шаманами встретился, — однажды случилось мне быть с ними на одном судне. Там такое было! «Звёздные войны» меркнут. Что порой в мультиках про колдунов показывают — всё это реально. Человеческий мозг привычно воспринимает только реальность, что видима и осязаема. А существует ещё много чего, что не видимо, но нужно знать, что и это есть. Чтобы «это» не взяло верх над вашим сознанием.

Был я уже семейный, прожил с супругой-учительницей 8 месяцев. К сожалению, она не могла принять мой уход в веру. Я предлагал ей преподавать в воскресной школе, думая, что этим мы как-то скрепим и наши отношения, и у неё родится желание идти вместе. Но не сложилось, и мы разошлись.

Я читал взахлёб духовную литературу, просто «поедал» эту мудрость: откровения оптинских старцев, «Жития святых», и многое другое. И почувствовал в себе призвание к монашеству. В 2005 году пришел в Посольский Спасо-Преображенский монастырь, принял постриг и был крещён как Евстафий.

Конечно же, меня заинтриговало и другое, Варлаамовский монастырь — это случайный путь, или нечто большее? Потому как Енисей, Бурятия и Чикой не совсем рядом.

— Промысел Божий. В 1994 году один из моих друзей дал мне статью из православной газеты Забайкалья, мол, интересная статья о монастыре, о существовании которого он и не подозревал. Я тогда впервые прочёл о Варлааме Чикойском и основанном им монастыре. Был поражён его монашеским подвигом, жизнью, и знаете, стал мечтать попасть на места его служения, и молился, чтобы Бог послал мне такую возможность! И вот как не сказать, что Господь нас ведёт? У меня всё сложилось, как специально. После пострига владыка Евстафий рукоположил меня на дьякона, потом иеромонаха. Тогда епархия называлась Читинско-Бурятская.

Владыка перевёл меня на какое-то время в Читу, и тут случился раздел епархий на Бурятскую и Читинскую. Это и был промысел Божий. Я бы в Урлуке не оказался, не случись этого разделения. После перевода из Бурятии я жил в Молоковском монастыре, а служил в Соборе. Но меня тянуло к уединению, и больше нравилось быть в монастыре, где больше уединения, чем в Соборе.

В июле месяце 2004 года дали мне отпуск. И я решил приехать в Варлаамовский монастырь для уединения, пожить. Я уже знал, что тут избушка стоит, без полов, без кровати. Думаю, нары сколочу и буду жить. Был у нас прихожанин Виктор Фёдорович. У него была иномарка и старенькая «Нива». Я попросил её мне одолжить на полмесяца, пообещав её отремонтировать. Мне, мол, только в монастырь доехать. Он очень добрый, сердечный человек, дал мне её без лишних

разговоров, даже отказался от всяких ремонтов. Но я поставил новую резину, стекло поменял — чтоб надёжно было. Взял пилу «Штиль» и приехал в Урлук. Из села поднялся к монастырю, где уже тогда начали работы по расчищению развалин монастыря от выросшей тайги.

И жил я здесь, у Варлаамовских стен и колодцев, девять дней. Нашел какую-то дверь, сделал из неё нары, а матрас по пути купил. Стёкла у же

Развалины старого монастыря.

были в оконных проёмах. Только сяду чай пить, глядь — машины, люди сразу ко мне идут, расспрашивают о Варлааме. Кстати, многие толком о нём ничего не знали, полагали, что он старообрядец. Водил паломников по развалинам, показывал местные святыни, рассказывал о пути монаха. И тогда ещё подумал, что тут нужна настоящая миссионерская работа, чтобы люди знали, что это за святой Забайкальской земли!

Думаю, какое тут уединение! Отделюсь от всех. И на следующий день сколотил себе шалаш, поставил там столик, стульчик, выпилил окошко. Чай пью, смотрю в эти сопки, в падь, где дорога к Голдановке. И такое счастье меня охватывает, что я в этом месте, — просто не высказать. Молился и благодарил Бога за такую радость.

Я прожил бы там дольше, но дожди начались. И меня так боли в пояснице схватили, думаю, пока окончательно не скрутило, нужно выбирать. Да ещё и дороги приходили в негодность, ключи всюю побежали, и дороги стали как речки. Поехал я домой, в Читу. А душа вся обратно просится. И вот ведь какая странность: в жизни приходилось быть на Чёрном, на Азовском морях. Но в моей жизни не было лучше отдыха, чем эти девять дней. Я испытывал там удивительное состояние умиротворения, счастья, какое до этого ни разу не испытывал. И этот отпуск укрепил меня в мысли, что моё место должно быть здесь.

Владыка Евстафий тогда ещё не помышлял восстанавливать Варлаамовскую обитель. Возможно, казалось неподъёмно. А заступил на его место другой, митрополит Владимир, побыл в Урлуке на развалинах святыни и решил, что надо возрождать монастырь.

— Спрашивает на собрании епархии: «Отцы, кто желает ехать в Чикой?». И я поднял руку.

И так вот, спустя 11 лет после прочтённой мною статьи о Варлааме, я оказался в Урлуке.

— И знаете, что вызывает удивление? — отец Варлаам поглядывает на меня и, не утерпев, тут же выдаёт: — Первым послушником у Варлаама в годы его служения Богу здесь был отставной моряк. Так что не зря меня сюда промысел Божий привёл, с моим морским-мирским дипломом. Я именно здесь нужен, всё это не зря. В семинарии я учился, мне показалось там скучно, оторвано от жизни. Святые отцы говорили раньше: семинария — это училище, а монастырь — университет. Поэтому мой «университет» здесь, в этом месте.

Сижу и думаю: нужно ли это место людям... Хотя давно уже понимаем, что без таких мест придёт в упадок Россия. Вся сила духовная держится именно такими местами.

— Когда я стал здесь служить в Урлуке, и хлопотать вместе со всеми о возрождении этого монастыря, я понял, что это нужно, — будто подслушав мои мысли, заговорил Евстафий. — У святых отцов есть такое высказывание: кто хоть один кирпич положит в строящийся храм, того вымолят, и будет ему потом Царствие небесное. То есть не просто решили и восстанавливаем. А нашему поколению дана возможность для покаяния.

Вы вот посмотрите, какая крепость старых стен. Как основательно всё было построено, хоть и труднодоступнейшие места. И с какой ненавистью всё это разломали и разграбили! Но остались ступеньки, остатки стен, мощеная булыжни-

ками дорога, которая не даёт провалиться машинам, поднимающимся сюда, как указатели — правильно идём.

А здесь очень хороший, отзывчивый народ. Паломники по теплу идут и идут. Все делают что-то во благо стройки. А строят наши урлукские мужики бригадой. Строят основательно, старательно. Остались в помещениях в основном внутренняя отделка, окна-двери, колокольня на храм. Благодетели не перевелись — помогают.

Колокольню пока не заказал, потому что пока технологически её рано заказывать. А вот когда нужно будет, я думаю, люди нас не оставят, и найдутся благодетели, которые помогут, как помогали всегда.

И так было особенно по душе, что ни в одной своей фразе батюшка не сказал отвратное мне чужое слово «спонсор». А говорит так, как и должно быть: БЛАГОдетель. Безликое «столовая» для строящегося здания — это «ТРАПЕЗная», а зимовьё — келья. Бережливость к Божьим местам, традициям, каждому камню, намоленному при Варлааме, коснулась и языка. Божье слово сохраняется и в каждой фразе, даже обыденной.

— Не потеряется, значит, Варламова дорога, — радуюсь я, и добавляю в кипящую воду в чайнике листочки смородины. Больно уж она тут душистая. И от чашки с чаем запах, и ладошки еще долго источают смородиновый дух.

— А место это никогда не терялось, и не было в запустении, — продолжает батюшка, с удовольствием принимая свежий чай. — Бывало, дождей нет, председатель колхоза тайком просит одну из бабушек: «Собери-ка, Фёкла, старух, сходите к Варламушке, попросите дождя». Сходят бабушки, помолятся здесь — и обязательно дождь прольется на поля. Тропа сюда сроду не зарастала. Местные-то замечают: кто каждый год сюда ходит, у них и урожай каждый год отменный, и дом беда обходит. Это Варлаам за них молит Бога.

Вот, кстати, фильм «Варлаам» снимали, тоже интересный факт произошел. До фильма я тут хожу не первый год, по весне, по началу лета по 40 штук клещей с себя снимал — для них самый сезон. А съёмки начались — ни одного клещика. Видать, он им приказал сидеть и никуда не высовываться, — улыбается Евстафий, не находя больше никакого иного объяснения этому явлению.

— А снимай режиссёр какой-то другой фильм, неизвестно, как бы сложилось. Вот, к примеру, все актёры, снимавшиеся в фильме об Иване Грозном, либо болели, либо умирали. Просто рок злой преследовал. А почему? Господь не допускал такого искажения, ведь этот царь был поставлен, чтобы спасти Россию. Те, кто показывал там исключительно его отрицательную роль, умирали. Ведь это первый царь России, который чистил страну от масонов. Казань взял, много монастырей основал. А клише было одно — тиран, убивец. И вот сняли нормальный фильм, где играл Маковецкий. И все живы, потому что это единственный правдивый фильм о времени Ивана Грозного. И по истории этот фильм стал самым правдивым.

Вернёмся, однако, в нашу обитель...

Трудами Варлаама Чикойского обращены из раскола свыше 5000 староверов, инородцы крестили своих детей, отдавали их в обучение, созданы были единоверческие церкви и приходы.

И иеромонах Евстафий продолжает эти труды — стоит, как пограничник, на границе Веры и безверия. Его помыслами, трудами, думается мне, из воинству-

ющего безбожия будут приводиться к Богу и покаянию те, кто хоть раз соприкоснулся с этим волнующим миром — миром возрождающейся обители, миром Варлаама Чикойского. Ведь не зря здесь, на высоте свыше тысячи метров над уровнем моря, соткан чудный узор из судеб разных людей, переплётённый промыслом Божиим.

На этом, пожалуй, и закончу свое повествование о пути Евстафия, в миру Олега Третьякова, а ныне — горячо любимого прихожанами батюшки из чикойского села Урлук.

Архиерейское подворье Иоанно-Предтеченского Варлаамо-Чикойского мужского монастыря Читинской Епархии (Московский патриархат) —

Улёты. 2019 год